

Ивана перед морем (Excerpt in Russian)

Translated by: Ksenija Komarova

Contact of the translator: xenia.komarova@gmail.com

– Я видела объявление в интернете, шкаф еще в силе? ... да... приду, – произнес женский голос с очень мягким акцентом. Через двадцать минут в дверях стояла девушка моих лет в черной мини-юбке с вызывающим макияжем на лице и кучей блестящих украшений. Пока два ее (боснийских? сербских? черногорских?) сутенера в черном и каждый с бриллиантовой серьгой в левом ухе двигали одежный шкаф, мы с ней стояли в коридоре и смущенно улыбались друг другу.

– Украина?

– И да и нет, рядом, Россия.

– Обожаю русских поэтов.

Она недоуменно на меня посмотрела из-под густо накрашенных ресниц.

– Цветаева, Бродский, Мандельштам... – решила сказать я.

– Вы их читали? – Она удивилась, и мне подумалось, что, возможно, она учительница, плохо кончившая, которой приходится несладко на новом поприще. Но она не захотела продолжить разговор и промолчала.

– И как сейчас у вас? После русского нашествия в Крым? Ведь вы из тех краев? – Я представила наш шкаф в ее комнатушке, стены которой наверняка окрашены в розовый и где она сонно проводит дни после ночных плясок под наркотой в каком-нибудь мрачном баре.

– У нас нормально, – отчеканила она, будто бы ждала этот вопрос. Меня всегда удивлял этот страх перед режимом, проникший в самое нутро чуть ли не с пеленок, от которого человек никогда не избавится, где бы он теперь ни жил. Мне так и не было ясно, русская она или украинка.

– Там опасно? Воюют? – Я прикинулась дурочкой.

Она махнула рукой, как будто отказываясь от предложенного кофе, и ее браслеты на запястье зазвенели:

– Опасно в мире, а не на войне.

[...]

Табака у нас достаточно, после Видова дня¹ закончились занятия, мы каждый день сидим перед переполненным кафе и пьем сливовицу, ракию или турецкий ячменный кофе, писал Адриан летом жене, но только до десяти, потом начинается комендантский час. Променад Корзо – очень оживленное место, здесь можно купить жаркое из ягненка за 140 динар за килограмм. На рынке можно найти только лук, чеснок и много клубники. Я бы хотел вам послать мешок сахара и сало, но их нет. Ем я в столовой, цикорий пил всего раз, а картошку разбавляют хлебом. Жаль, что я мало интересовался готовкой, здешняя кухарка знает на удивление мало рецептов. Хотя недавно была жатва, муки нет, зато у крестьян полные ящики денег. По церковным праздникам собирается толпа людей, приезжают аккордеонисты, водят хороводы. Крестьяне платят по 200-300

---

¹ Видов день - главный национальный праздник в Сербии, празднуется 15 (28) июня (здесь и далее прим. пер.).

динар. Денег пруд пруди, а товары можно получить только по связям. В Белграде та же песня: игры, выпивка, музыка в каждом заведении. Если есть деньги, то получишь все, что захочешь, будь то сладости или шелковое белье. Сандалии, которые стоили 100 динар, когда я только приехал сюда, сейчас стоят 2500.

Ивана тотчас отправилась к башмачнику Крмолцу и заказала пару сандалий сорок четвертого размера. *Я заплачу за них, когда их взвешу, если будут тяжелее сорока граммов, я не куплю их*, пригрозила она. Почта Германии не принимает к отправке посылки тяжелее двухсот граммов, этого как раз достаточно, чтобы отправить по одному ботинку в посылке. Она бы еще отправила много чего, если бы только было что. Так она хотела облегчить свою совесть – в последнее время она все чаще вспоминала об объятиях и улыбке, той самой улыбке с приподнятым левым уголком рта, светящемся лице и остром, но таком приятном взгляде.

У меня был солнечный удар, но это ничего, вон некоторые умерли из-за малярии.

У Ивана засосало под ложечкой, жар волнами разлился по всему телу: если Адриян умрет, это будет ее наказание. Она никогда не верила в эти католические поверья “зуб за зуб”, но ее точно покарают высшие силы, если она не останется верна, если она не сделает всего, что в ее силах, если ее помыслы не останутся чистыми, если она не забудет о своей высохшей коже, так истосковавшейся по мужским касаниям.

Все мы, словенцы, здесь как одна большая семья. Тут покойно, только вот высокие цены и нехватка то одного, то другого или внезапные проверки напоминают, что идет война. В последнее время будто забрезжил рассвет, мы стали любимым городом для встреч различных генералов и их подхалимов. Пьянка, насилие, грабеж, убийства были как нечто само собой разумеющееся. Сейчас власть в их руках, для этого они и здесь, и весь наш край с облегчением вздохнул.

Если Адрияна убьют или ранят, это она будет виновата, это из-за ее маленькой любви, неверности, слабости, она должна сдержаться, ведь в ней уже зародилось подозрение, что она своими действиями погубит мужа – и в ней, той, кто совсем недавно поступал наперекор жителям Шкале, зарождается неведомый доселе ужас.

Я обучаю одного русского эмигранта, инженера, немецкому языку. Оплату с него не беру, у него все равно ничего нет. Угощают меня вареньем, ракией и кофе. Русский дает мне поносить плавки для купания или, как говорят местные, для “похода на пляж”. Один магазин здесь называется Лувр, другой – Москва, есть еще кафешки Казина и Бульвар. Но все ужасно примитивно. Я получил твои посылки: белые брюки, три платочка, три пары носок, галстук, немного катушек с нитками и ароматного мыла.

Ивана повеселела, вести от Адрияна больше не были ужасающими, письма стали частью их повседневности. Они привыкли к жизни на расстоянии, пока все остается таким же, пока один день перетекает в другой, и пока будет так, будет все хорошо, как и должно быть, потому что рано или поздно все изменится. Поэтому нет ничего плохого в том, если Ивана снова пойдет в лес со своей корзинкой для грибов, пойдет той же дорогой, которая разбивает ей сердце, свежий воздух и запах грязи взбудоражат кровь и мысли, и закипит молодость.

– *Здесь один по словенскому языку и один по географии, два одинаковых по математике и один по истории... хотя его все равно скоро придется переписать,* – сказал ей Виталий. Он стоит среди зарослей папоротника, издали доносится церковный звон. “Впервые эти звуки приятные”, – подумалось Иване.

– *И вот немного грибов для алиби.* – Поверх скатерки, под которой лежали пять учебников, он положил три белых и два подосиновика. – *Каждой книге по грибу.*

Ивана улыбнулась. И вот он снова так смотрит на нее, что тепло разливается у нее по спине и жар вспыхивает в животе.

– *Смерть фа...*² *счастливо*, - говорит ей.

– *Счастливо*, - отвечает.

В конце августа у Пины отекает шея и поднимается температура, она хрипит, из носа текут гнойные сопли. Ивана в отчаянии: она знала, знала, что обязательно что-то случится! Но Адрияну она ни за что не напишет, что у Пины дифтерия, это наказание она должна понести одна, она сама справится с горестями, у него и так уже много проблем. Она перебирает в памяти моменты, как она раньше реагировала на Пинин плач, на ее желания, которые были иногда больше похожи на требования, на ее болезни, которые были гораздо легче нынешней, и ей кажется, что она никогда не поступала верно, так винит себя, что каждый раз у нее от переживаний ноет желудок.

Каждый день я читаю в Венской газете об убийствах и казнях. Боюсь я за вас, говорится в письме с маркой сербского короля Петра в углу. Постоянно думаю, как вы выглядите, во что одеты, что вы ели. Берегитесь дизентерии и тифа, сейчас ими каждый болеет. Хорошо, что Пина интересуется животными. У меня в комнате, помимо вшей и крыс, обитает целое царство животных: мыши, тараканы и блохи. Простыни после битвы с клопами были такими красными, будто я раздавил на ней чернику.

Ивана послеполуденным сентябрьским днем лежит на одеяле и плаще, растянутыми поверх черничных кустиков. Будто бы театральный осветитель спрятал за кронами деревьев прожекторы, свет которых смягчал контраст между редкими лучами солнца, пробивающимися сквозь листву. И прямо перед тем как Ивана закрыла глаза, мир начал кружиться, смерть превратилась в любовь, любовь, как по стрелке компаса, встала напротив смерти, юг стал севером и восход западом, Каоник³ отодвигается куда-то в Болгарию, а лес, прям как мох, накроет весь Рейх. В рассеянных солнечных лучах, пробивающихся сквозь ветки, Ивана видит над собой приподнятый уголок рта и чувствует теплую кожу Виталия, пахнущую влагой, дорогой и дымом. Виталий рядом с ней и в ней, низкие ветки над землей медленно качаются.

– *Я не буду тебя рисовать, чтобы тебя не узнали, если меня поймут, но я тебя запомню. Я бы нарисовал тебя всю, всю тебя, я не стал бы собирать тебя по частям, из головы одной женщины и тела другой, как в “Завтраке на траве”.*

Это их временное пристанище без окон и дверей, с самым необходимым, с одеялом, черникой и бутылкой вина, его непостоянность есть его красота, это временное место, а место всегда, как наполненный жизнью дом, связано со временем: на пеньке начерчены круги, подчеркивающие возраст недавнего дерева, улитка по одну сторону пенька оставила на нем свою слизь, а паук на противоположной стороне из собственных нитей свел дом-ловушку. Ивана и Виталий лежат в этом домике без стен, в который никто не ворвется, лежат на траве без завтрака, вне времени и вне пространства, и Ивана вдруг вспоминает слова Адрияна, некогда таких непонятных и таких разумных сейчас: *Наслаждайтесь красотой, которую чувствуете, а не думайте, откуда она взялась... Как слышите шелест листа, который качается в вечернем ветре, не прислушивайтесь, не пытайтесь понять, что он хочет вам сказать.. Мечтайте, дорогая, мечтайте, и будьте счастливы в своих мечтах.*

И во второй, и в третий раз повторяется то, что уже стало своеобразным обрядом, там, среди леса, когда Виталий накрывает собой Ивану, и все замирает, и он замирает, только

---

² Имеется в виду лозунг югославских партизан “Смерть фашизму, свобода народу!!”, распространенный в годы Второй мировой войны.

³ Деревня в муниципалитете Крушевац в Сербии.

его теплота медленно проникает в нее, отгораживает ее от мира и защищает, в тишине слышно, как разгоняется их медленная кровь, бегущая под кожей, от него к ней и назад, тепло разливается в них, медленно наполняется силой, раздающаяся в них сначала слабым, а затем мощным эхом.

[...]

Грузная пара в дверях все пыталась пробиться вперед, они торопились унести немецкую швейную машинку. Говоря с ярко выраженным южным акцентом они интересовались, почему я ее продаю, и уже по голосу дали мне понять, что их не обвести вокруг пальца и они в любом случае получат свое. Я знала, что машинку я никак не могу продать за предложенную ими цену, но я так торопилась, что уступила ее по их цене. Они даже обиделись, что все прошло так гладко, и снова окинули комнату взглядом в поисках вещей, из-за которых можно поторговаться. Юнона покосилась на старый Зингер в углу, который много лет служил лишь частью обстановки, а не швейной машинкой.

– Это я не продаю.

– Мы возьмем его. – Он вытащил из заднего кармана брюк двадцатку и протянул ее мне.

– Не на продажу. Не продаётся. Я не знаю, как вам еще объяснить. Не свободен.

– Свободен? Ты имеешь в виду “занят”? – сказала она между приступами смеха.

– Без шуток, – добавил он, перестав смеяться. – Даю двадцать пять.

– Продаю только ту в желтом чемоданчике.

Они снова засмеялись.

– Только в желтом, – сказала боснийка мужу. Потом посмотрела на меня: – А чемодан твой, как гроб словенский.

